

Александр Егоров

Россиены

Александр Егоров

Россиены

<https://litres.ru/74606572>

SelfPub; 2026

Аннотация

Где проходит граница между реальностью и иллюзией? На пороге великой войны, когда рушатся империи, молодой офицер оказывается лицом к лицу с тайной, которая древнее и сильнее любых геополитических катастроф. Старинный замок, затерянный во времени, окутывает его зыбким, чарующим наваждением, но оставляет после себя лишь пепел и гнетущую пустоту. Реальный мир требует от него твердости, исполнения долга и соблюдения кодекса чести, но его помыслы навсегда остались там — за чертой, разделяющей живых и мертвых. Атмосферная драма о фатальном несовпадении человеческой судьбы с ходом времени, где мистическое наваждение неумолимо ведет героя к финальному барьеру.

Содержание

Глава 1. Маховик фатума	4
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Александр Егоров

Россиены

Глава 1. Маховик фатума

Трагические события не обрушиваются на человечество внезапно. Они подкрадываются незаметно, прячась в мелких деталях, случайных совпадениях и несказанных вовремя словах. Летом 1914 года мир казался прочным и вечным, как гранитные набережные Петрограда. Люди пили кофе на открытых верандах, читали утренние газеты, влюблялись, строили планы на осень. Никто не знал, что невидимые часы уже запущены и обратный отсчет начался. Мировая катастрофа, готовая унести миллионы жизней, поначалу выглядела лишь цепочкой далеких, почти карикатурных событий в душном, затерянном на Балканах городке.

В июне в Сараеве гимназист Гаврила Принцип дважды нажал на спусковой крючок. Два звука, похожих на лопнувшие струны, оборвали жизни австрийского эрцгерцога и его жены. Мир вздрогнул, но ещё до конца не осознавал возможные последствия. Обывателю казалось, что это лишь очередная далекая драма, которая утихнет сама собой. Однако невидимый маховик фатума уже сделал свой первый, необратимый оборот. Шестеренки гигантской военной машины,

смазанные вековой людской гордыней и старыми обидами, начали цепляться друг за друга, увлекая за собой целые народы.

Ультиматумы, которые Вена предъявляла Белграду в июле, были похожи на ритуал, где финал известен заранее. Сербия смирялась, шла на уступки, умоляла о мире, но лавина уже сорвалась с кручи. Словно в кошмарном сне, где ты кричишь, но тебя никто не слышит, европейские столицы одна за другой начали объявлять мобилизацию. Сначала частично, робко, словно проверяя прочность бытия. Затем — наотмашь, захлебываясь паникой и патриотическим восторгом.

К концу июля безумие стало абсолютным. Правители писали друг другу телеграммы, послы толпились в кабинетах министров, передавая ноты об объявлении войны, а по всей Европе уже слышался отчетливый печатный звук армейских сапог. Мир, каким его знали, рассыпался в прах под грохот первых австрийских снарядов, падающих на Белград. Германия объявляла войну России, Франция поднимала по тревоге свои дивизии, Бельгия закрывала границы.

Человечество, ослепленное собственной гордостью, добровольно шагнуло в сумерки Великой войны. А где-то посреди этой глобальной катастрофы, растерянно моргая от вокзальной копоты, стояли вчерашние мальчишки, которым суждено было стать первыми щепками в этом мировом пожаре.

Война — это не только геополитические сдвиги, движение фронтов и грохот пушек. Это, прежде всего, грандиозное насилие над временем. Она бесцеремонно врывается в личное пространство человека, обрывая неоконченные разговоры, отменяя назначенные свидания и превращая бережно выстроенное будущее в призрачный дым. Миллионы невидимых нитей, связывавших людей с их прошлым, в августе четырнадцатого года были перерезаны одним взмахом штабного пера. Огромная государственная машина требовала живой силы, безжалостно вычеркивая из человеческого бытия понятия «хочу», «мечтаю» или «успею».

Самым страшным свойством этой надвигающейся бури была её будничность. Насилие истории рядилось в сухие канцелярские формулировки, в приказы о назначениях и бездушные списки вакансий. Человеческая жизнь — со всеми её надеждами, первой любовью, нежными письмами к матери — внезапно взвешивалась на весах слепой фортуны. Жребий. Короткое, страшное слово, за которым скрывалась лотерея со смертью. Маленький бумажный клочок, вытянутый дрожащей рукой юнкера на экзаменационном столе, решал всё: останется ли он в относительно безопасном тылу или отправится в сырые окопы приграничья, откуда почти никто не возвращается.

В те знойные дни природа словно глумилась над застывшим в ужасе человечеством. На исходе своего золотого века Европа задыхалась от неестественного, удушливого вели-

колепия: август выдался неправдоподобно солнечным, избыточно щедрым на тепло и свет. Сады ломились от спелых плодов, а небо над бескрайними пространствами России стояло пронзительно-синим, зеркальным, без единого облака — безразличное к той кровавой бане, которую готовили себе люди. Этот гнетущий контраст между вечным торжеством земли и сиюминутным безумием человека лишь подчеркивал неотвратимость грядущей катастрофы.

Пока в тишине полей зрел урожай, который некому будет убирать, на привокзальных площадях империи закипал чудовищный, многоликий людской водоворот. Железнодорожные узлы превратились в гигантские артерии, качающие живую силу к границам. В душном воздухе перронов стоял тяжелый, вечный запах войны: густой дух раскаленного на солнце железа, паровозной гари, дегтярной смазки, дешевой махорки и нового, едва сошедшего с интендантских складов жесткого сукна офицерских шинелей. Из-за объявленного государем в одночасье сухого закона в этих многотысячных толпах не было привычного для русских бунтов и сборов разудалого хмельного шума. Отрезвленная указом толпа глухо и грозно роптала. Этот монотонный мужской гул, похожий на приближение тектонического сдвига, то и дело перекрывался отчаянным, рвущим душу бабьим плачем и детским криком.

Уходящие на запад эшелоны были до отказа забиты вчерашними мальчишками — недавними студентами, кре-

стьянскими парнями и юнкерами. Оглушенные медно-ликующими маршами полковых оркестров, которые тщетно пытались заглушить женские рыдания, они гроздьями висли на подножках, махали из окон фуражками и беззаботно смеялись. В их юных головах, воспитанных на рассказах о былых парадах, война рисовалась скорым и победоносным заграничным турне. Они искренне верили, что к рождественским праздникам, овеванные легкой славой и украшенные крестами, триумфально вернутся в родные дома. Это поколение обреченных ехало навстречу своей гибели как на веселое, пьянящее приключение. Ни один из них еще не ведал ужаса позиционного тупика, не знал запаха иприта и не видел, как целые полки заживо гниют в раскисшей глине. Они не подозревали, что старый, уютный мир девятнадцатого века уже умер под колесами их состава, и обратной дороги из этого ада для них не существовало.

История больше не принадлежала людям. Она превратилась в самостоятельное, равнодушное божество, которое питалось юностью. И в этой зловещей круговерти, где рушились империи, подпоручик Андрей Свиридов был лишь едва заметной песчинкой, которую ураган рока уже подхватил и нес навстречу его собственной, непостижимой судьбе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.